

И. Шмерлина

Смертная казнь как норма жизни

“Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости...”

Статья 43 УК РФ

“Смертная казнь прежде всего служит вернейшим способом обеспечения общественного: от лишения жизни, несомненно, нельзя ожидать новых посягательств на общественное спокойствие и порядок”.

Н.С. Таганцев

Смертная казнь – одна из наиболее сложных тем общественного дискурса. В специальных теоретических исследованиях по данной проблеме показано, что для поддержания порядка в обществе целесообразность этой меры неочевидна

Смертная казнь – одна из наиболее сложных тем общественного дискурса. В специальных теоретических исследованиях по данной проблеме показано, что для поддержания порядка в обществе целесообразность этой меры неочевидна. В то же время доминирующей тенденцией массового сознания является легитимация смертной казни. Этот вывод справедлив по крайней мере для современной России, а также для Америки, о чем свидетельствуют данные опросов населения обеих стран. Так, в октябре 2002 года применение смертной казни за убийство поддерживали 70% граждан США, против этого выступали четверть американцев; не высказывали определенного мнения на этот счет 5% [Докторов Б.]. Сопоставимый уровень поддержки применения высшей меры наказания фиксируется и в России. В 1997 году на вопрос “*Как Вы думаете, следует ли в России отменить смертную казнь?*” отрицательно отвечали 70%, положительно – 21% наших сограждан*. В 2001 году отношение к смертной казни определялось с помощью вопроса: “*По Вашему мнению, в принципе допустимо или недопустимо приговаривать преступников к смертной казни?*” Положительный ответ – “допустимо” – был получен от 80% респондентов, отрицательный – от 15%, затруднились с ответом 5% опрошенных**. В ходе опроса, проведенного в феврале 2006 года с помощью того же инструментария, это распределение практически повторилось: три четверти населения (74%) сочли вынесение смертных приговоров преступникам в принципе допустимым, 15% наших сограждан считают такую меру наказания недопустимой. Каждый десятый затруднился сформулировать свою позицию***.

Приведенные данные, разумеется, не поддаются прямому сопоставлению с полученными в США: в американских исследованиях и российских опросах ис-

* Общероссийский опрос населения от 11–12 ноября 1997 года (100 населенных пунктов 44 субъектов РФ, 1500 респондентов).

** Общероссийский опрос населения от 30–31 июня 2001 года. 28–29 июля 2001 года был проведен повторный замер, давший практически те же результаты: 79, 17 и 4% соответственно.

*** Общероссийский опрос населения от 18–19 февраля 2006 года.

пользовались разные формулировки, задававшие специфические ракурсы рассмотрения проблемы. Однако сходство результатов симптоматично, и, возможно, те выводы, которые мы делаем на материале анализа российских опросов, до некоторой степени могут быть экстраполированы и на американское общественное мнение.

Обратим внимание прежде всего на высокую степень определенности и единодушия российского общества в отношении к смертной казни: подавляющее большинство наших сограждан (90–95%) имеют мнение о столь сложной, болезненной и неоднозначной проблеме социального обустройства, при этом безусловное большинство населения (около 75–80%) смертную казнь поддерживают.

В ходе последнего опроса за вынесение смертных приговоров несколько реже остальных высказывались люди в возрасте до 35 лет (67%), однако в целом во всех социально-демографических группах поддержка смертной казни безоговорочно доминирует. Отношение к этому виду наказания связано не столько с возрастом, статусом и прочими объективными параметрами социального существования человека, сколько с его мировоззрением. Неслучайно, по-видимому, заметно чаще других смертный приговор поддерживают сторонники КПРФ (85%).

Отношение к смертной казни – это вопрос о терминальных ценностях, сквозь призму которого можно уловить некоторые базовые установки и характерные черты общественного сознания.

Проблема, которой посвящена настоящая публикация, состоит в выявлении явных, рефлекслируемых и артикулируемых оснований обыденной легитимации смертной казни, а также в реконструкции тех латентных установок, которые стоят за эксплицированными доводами “за” и “против” данного вида наказания.

Аргументация в пользу смертной казни

Исследователи выделяют два принципиальных подхода к обоснованию смертной казни: ретрибутивистский (от англ. *retribution* – “воздаяние, возмездие, кара, наказание, расплата”) и инструментальный, каждый из которых включает несколько конкретных концептуальных моделей [Позднов М.]. Данная схема, которую мы используем в дальнейшем, позволяет практически исчерпывающе описать реально существующие, более или менее осмысленно формулируемые способы легитимации смертной казни.

Ретрибутивистские типы обоснования

1. Смертная казнь – это возмездие. Данный подход помещает проблему применения смертной казни в нравственный контекст справедливого воздаяния: смертная казнь – это наказание, сопоставимое с тяжестью содеянного.

В современном российском обществе это доминирующий тип обоснования. Он присутствует в 44% ответов на открытый вопрос о том, почему респондент считает допустимым выносить преступникам смертный приговор*:

“Всегда в России было: смерть за смерть”; “если он порешил человек 20, а ему за это 20 лет тюрьмы, то это очень мало”.

Тот же мотив явственно звучит и на фокус-группах:

*“По степени тяжести преступления. Чем тяжелее он совершает преступление, тем тяжелее должно быть наказание” (ДФГ, Самара)**.*

* Общероссийский опрос населения от 18–19 февраля 2006 года. В дальнейшем ссылки на этот опрос даются без указаний источника.

** Дискуссионные фокус-группы в Москве, Самаре и Новосибирске 14 февраля 2006 года.)

*Безусловное
большинство россиян
(около 75–80%)
поддерживают
смертную казнь*

*“Самое
целесообразное
понятие здесь было –
это именно возмездие.
То есть ты лишил
человека жизни –
должен, собственно
говоря, заплатить
своей жизнью”
(Высказывание
участника фокус-
группы из Самары)*

“Самое целесообразное понятие здесь было – это именно возмездие. То есть ты лишил человека жизни – то должен, собственно говоря, заплатить своей жизнью” (ДФГ, Самара).

“Показать преступнику, что если ты совершишь, тебе будет вот такое возмездие – тебя убьют. И он тогда задумается: пойду я вот там, на аллее, женщину грабить и убивать или, значит... Я считаю, что надо везде плакаты, и большими буквами: «ЗА СМЕРТЬ – СМЕРТЬ»” (ДФГ, Новосибирск).

Заметим, что современное российское уголовное право концептуально основано именно на модели “возмездия за грехи”: “Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного” (статья 6 УК РФ).

2. Смертная казнь – это месть. По мнению М. Позднова, в рамках этой модели смертная казнь трактуется как месть со стороны “общества, государства, класса, социальной группы”, он квалифицирует это как “теоретический анахронизм”. В нашем представлении, данный концептуальный подход может быть адекватно понят скорее в личностном ракурсе – с точки зрения пострадавшей стороны, которая получает некоторую моральную компенсацию за свои страдания. Фокус-группы дают четкую и осмысленную артикуляцию этого типа аргументации.

“...чтобы люди-то знали и чтобы они чувствовали, что вот, например – избави бог, конечно, – у кого-то убили родственника, и у него даже на душе легче стало, мне кажется, что если преступник наказан. И не то что он там отсиживает в тюрьме, на нарах лежит, живой и здоровый...” (ДФГ, Новосибирск).

“Они же добиваются, чтобы было наказание. И если они услышат то, что наказан, расстрелян, – наверное, обрадуются” (ДФГ, Новосибирск).

“Помощь пострадавшей семье моральная” (ДФГ, Самара).

“Вот я хочу сказать, когда говорили... был какой-то телемост, и обсуждали этот вопрос, и многие вот ратовали: не надо смертную казнь, это вовсе не это... Но мне понравилась одна-единственная фраза. Когда спрашивали тех людей, чьи дети погибли по вине насильников. Извините меня, когда насильник насилует пятилетнюю девочку... и когда спрашивают мать этой девочки реально: «Тебе легче будет?» – ожидается ответ, что какая мне разница, мне не будет легче. Она сказала: «Да, легче». Вот да, легче, понимаете? Психология человека такова, что да, легче. Единственное, как если его убьют, понимаете? И причем убьют мучительной смертью, может быть, так же, извините меня, живьем там органы будут отрезать. Может быть, я жестоко говорю, но я хочу сказать, что вот единственная альтернатива, вот только сейчас мне в голову пришла, это вот на усмотрение родственников...” (ДФГ, Самара).

3. В рамках третьего подхода смертная казнь – наказание, которое может быть “несимметричным” по отношению к совершенному преступлению и которое, таким образом, в каждом конкретном случае требует дополнительного обоснования. Этот тип (он близок к тому, который в классификации М. Позднова описан как карательный) тяготеет к инструментальной парадигме, акцент в которой делается не на воздаянии, а на целесообразности.

В материалах массового опроса данный подход плохо различим. В некоторой степени он присутствует в ответах тех респондентов, которые рассматривают смертную казнь как эффективный способ наведения порядка в стране:

“Если бы ввели смертную казнь, больше было бы порядка”; “преступников в стране становится все больше, больше” и т. п. (9%), в высказываниях типа: “...Китай в пример: там за нарушение крупного закона – смертная казнь”.

На фокус-группах этот подход проявился вполне четко. Участники дискуссий предлагали карать смертной казнью за чрезвычайно широкий спектр преступлений, и эти предложения далеко не всегда укладывались в рамки “справедливого возмездия” (то есть первого типа легитимации).

1-й участник: *При жестоких убийствах – показательная смертная казнь. Также можно ввести и за хранение наркотиков тоже, если показательную. Показать – и никто бы этими наркотиками не занимался.*

2-й участник: *За похищение людей надо убивать, чтобы не повадно другим было... За воровство машин...*

3-й участник: *Измена Родине... Ну, как? Есть же определенные стратегические секреты... Вот как, допустим, то же оружие.*

4-й участник: *...за разглашение государственной тайны.*

2-й участник: *Вот разрушили наш военно-промышленный комплекс. Надо обнародовать этот список, этих людей, ну и наказать их.*

5-й участник: *Но смертная казнь – мне кажется, это чересчур.*

1-й участник: *Они нашу оборону разрушили, у нас сейчас нету.*

2-й участник: *Они на этом миллиарды нажили... Депутатов продажных... Еще за должностные преступления надо – они наносят вред государству. Затронули интересы десятков миллионов людей. Вот есть, большие у нас должности занимают – и нанесли вред государству” (ДФГ, Новосибирск).*

Сопоставив рассмотренные типы аргументации с точки зрения эмоциональной и рассудочной составляющих, которые они содержат, можно увидеть определенный концептуальный континуум:

модель “смертная казнь – месть”; рассудочная составляющая в обосновании данной модели минимальна, а эмоциональная – максимальна (вспомним выражение “слепая месть”);

модель “смертная казнь – возмездие”; оправдание смертной казни основано на моральном рассуждении; эмоциональная и рациональная аргументация более или менее уравновешены;

При жестоких убийствах – показательная смертная казнь. Также можно ввести и за хранение наркотиков... Показать – и никто бы этими наркотиками не занимался (Высказывание участника фокус-группы)

модель “смертная казнь – наказание”; в обосновании необходимости смертной казни ощутимо присутствует логика инструментальной парадигмы.

Инструментальная парадигма

Инструментальная парадигма в свою очередь имеет помимо рационально-прагматической выраженную эмоциональную составляющую. Это относится прежде всего к первому типу, который выделяется в рамках данной парадигмы, – концепции элиминации.

4. Смертная казнь – уничтожение преступника (элиминация). Как отмечает М. Позднов, такое понимание смертной казни в западной теории носит название “incarcination”*. “Преступник, – пишет автор, – рассматривается как носитель социального зла, проявление опасного заболевания общества, а смертная казнь – как «лекарство». Цель элиминации – обезвреживание (радикальное) источника опасности. Наиболее яркий пример элиминации – смертная казнь серийных маньяков”.

Подобное восприятие смертной казни – как избавления от ненужных членов общества, по сути убийства, совершаемого государством, – широко распространено в российском массовом сознании. Фокус-группы дают яркие образчики данного подхода.

“...говорили вот то, что психопаты... как к ним относиться... Я считаю, психопат, если его лечить, лечить, но все равно когда-нибудь прорвется, и обротно будет убивать. Лучшие сразу избавиться просто от человека, который, ну, не нужен нашему обществу” (ДФГ, Москва).

“Забиты больницы... психбольницы – какие средства туда... Ну и зачем тогда? Они обществу, в общем-то, и не нужны” (ДФГ, Новосибирск).

“...хирург отрубает болячку. Вот болячка – он раз, отрезал ее, и все. Вот и так надо у нас в государстве – отрезать вот это все, негатив вот этот весь” (ДФГ, Новосибирск).

“Как сорняк выдернуть... Вообще лишит его, чтоб он не жил. Да, как сорняк, изъять его из общества, и все” (ДФГ, Самара).

“Чтоб его первым делом уничтожить. Стереть с лица земли...” (ДФГ, Самара).

Что касается открытых вопросов, то проявление элиминационного подхода – пусть и не столь явное – мы видим в двух типах аргументации: во-первых, в ответах тех респондентов, для которых весомым доводом в пользу смертной казни выступает экономия средств налогоплательщиков (таких суждений – 5%). Характерно, что в формулировках, которые при этом звучали, чаще выражалась не столько холодная прагматичность (“зачем содержать преступников, если можно их убить?”), сколько озлобленность граждан.

“Нечего налоги жрать негодяям”; “не должно на плечи налогоплательщиков ложиться бремя содержания зверей”; “...они поедают наши налоговые деньги”; “так как они губят людей невинных, а ты их корми”.

В более эксплицированном виде элиминационный подход выступает в рассуждениях респондентов о бесполезности длительного тюремного или лагерного заключения, которое все равно не приводит к исправлению человека, а скорее делает его еще более злостным преступником.

“25 лет отсидит в тюрьме – и выходит головорезом”; “а то убийцы, отсидев срок, снова выходят на свободу и начинают убивать”; “горбатого могила исправит”; “потому что они уже не смогут стать людьми, эти маньяки и убийцы”; “преступник не изменится, лучше приговаривать сразу” (ответы на открытый вопрос; 4%).

* Incarcination (англ.) – выход из строя (оборудования). Обратим внимание на некоторый цинизм данной формулировки.

“Зачем содержать преступников, если можно их убить?” – задает риторический вопрос участник фокус-группы

5. Смертная казнь как мера социальной гигиены. В рамках данного подхода, пишет М. Позднов, «отношение к преступнику нейтральное, абстрактное. В этой концепции предполагается цель профилактического характера – общее предупреждение преступности, сдерживание» Аргументы такого рода, вполне соответствующие здравому смыслу, в ходе массового опроса приводились в 7% случаев.

“Если будет смертная казнь, то преступники будут бояться хоть чего-то”; “пока их не завалишь, они ничего не поймут”; “чтобы граждане задумывались о том, что делают, забирая жизнь у других”.

На наш взгляд, это весьма скромная статистика. Даже если проинтерпретировать под данным углом зрения ответы тех респондентов, которые аргументировали свою поддержку смертной казни необходимостью наведения порядка в стране (9%), картина существенно не меняется: соображения здравого смысла, основанные на представлении о практической целесообразности использования инструмента смертной казни, звучат намного реже довода о возмездии, имеющего эмоционально-нравственную подоплеку (44%).

Неравновесное соотношение этих типов аргументации, один из которых (концепция возмездия) представляет собой смысловой центр ретрибутивистской, а второй (концепция устрашения) – инструментальной парадигмы, проявилось и на фокус-группах.

“Модератор: ...смертная казнь – она больше нужна для того, чтобы как превентивная, да, как профилактическое мера, как самим фактом своего существования – что уже страшна? Или она нужна для того, чтобы преступник понес наказание, чтобы была расплата?”

1-й участник: Наверное, первая вот, которую Вы говорили... Предупредить, да, чтобы поднять дисциплину.

2-й участник: Я вообще против казни... Но если вот Вы говорите, то конечно, я вот могу понять, если вот человек сделал и его наказали за это, вот я еще это понимаю – наказать, хотя я и против.

3-й участник: Страх.

4-й участник: Мне кажется, это людям все равно не объяснишь. Те люди, которые вот стремятся убивать, там, они боятся, когда их действительно убивают уже, когда вот ведут на казнь, а так – им не объяснишь. Если они не пойманы, они все равно будут убивать, им уже заложено это генетически.

5-й участник: Я думаю, это все-таки как возмездие.

6-й участник: Короче, я против этого всего.

Модератор: Но тем не менее, если она существует...

6-й участник: Он заработал, получил, вот так.

2-й участник: Второе.

7-й участник: Я... тоже придерживаюсь” (ДФГ, Москва).

“Модератор: Как вы считаете, для чего в первую очередь нужна такая мера наказания: чтобы остановить преступника или чтобы наказать его?”

1-й участник: Возмездие.

2-й участник: Возмездие.

3-й участник: Возмездие, конечно. Она оценивается как возмездие” (ДФГ, Самара).

6. Смертная казнь – крайняя мера, к которой общество прибегает только в экстремальных случаях. В ходе массового опроса люди, отвечая на открытый вопрос, говорили:

“В исключительных случаях, по указу президента и по требованию народа”; “в отдельных случаях – террористов, исключительно к ним нужно применять смертельную казнь” (1%).

Пожизненное заключение, в представлении людей, страшнее, чем смерть. Исходя из этих соображений, они, как правило, высказываются не за, а против смертной казни. Статистически это самый представительный довод против смертного приговора, сформулированный в ходе опроса

К данному типу аргументации мы бы отнесли и ответы тех респондентов, которые указывали на безнаказанность, царящую в стране, освобождение преступников за взятки (1%).

“Все распоясались, выходят из тюрем за взятки”; “теперь у нас даже самые страшные преступления остаются безнаказанными”.

Подобная ситуация может быть квалифицирована как чрезвычайная, несовместимая с нормами существования здорового общества.

Аргумент такого характера прозвучал и на ДФГ.

“Просто пример из истории. В 1949 году в Одессе Жукова сняли и поставили <командовать> Одесским военным округом. Грабили там вообще что попало. И он сказал: расстрел на месте. И стрелять начали. Все! Уровень преступности упал. Вот оно и воздействие. Применение смертной казни. Это, конечно, жестоко. Но – все.

Модератор: *Нет, это уже получается наказание без суда.*

Участник: *Да, военный коммунизм в применении”* (ДФГ, Новосибирск).

7. Анализ материалов ДФГ дает основание для выделения в рамках инструментальной парадигмы еще одного типа обоснования, в соответствии с которым смертная казнь выступает как юридическая норма, предупреждающая самосуд. Подобный подход, несомненно, вытекает из концепции мести, однако носит отчетливо инструментальный характер.

“...если не будет Конституции, не будет судов, то у нас будет самосуд. И все равно этого человека, как говорится, родственники накажут, убьют его. Чтобы не было это так варварски, надо, чтобы суд за тяжкие преступления, за тяжкие, за лишение человека жизни давал высшую меру наказания. Это будет наказание одним людям, а для других будет устрашение. Правильно? Больше ничего не скажешь, вот это. Но только законный путь” (ДФГ, Самара).

1-й участник: *Вдруг убили сына, да, ну и вдруг... Что, значит, отец будет делать – что ему срок дадут, этому убийце, 10–12 лет? У него будет гореть внутри, он сам будет убийца, тогда он убьет или стремиться будет к этому. А если будет эта статья, тогда уже, вот как ни говори, у него легче будет на душе.*

2-й участник: *..Я понял, что Вы хотите сказать: то, что государство стоит на защите моих интересов, то, чтобы я не совершил самосуд, что ли, есть государство, которое...*

1-й участник: *Да.*

2-й участник: *...отомстит за смерть моего сына”* (ДФГ, Москва).

8. Наконец, материалы исследования выявили еще одно специфическое обоснование смертной казни, выходящее за рамки как ретрибутивистской, так и инструментальной парадигмы. Это – применение смертной казни из соображений гуманизма. По мнению тех немногих респондентов (1%), которые в ответах на открытый вопрос выдвигали этот аргумент, смерть – менее суровое наказание, чем пожизненное заключение.

“Всю жизнь держать в тюрьме негуманно”; “зачем человека мучить в тюрьме всю жизнь?”; “лучше пусть убивают, проще, чем если они будут страдать”; “они тоже мучаются, хоть и убивают, так что пусть их лучше уничтожат”; “чтоб не мучились”.

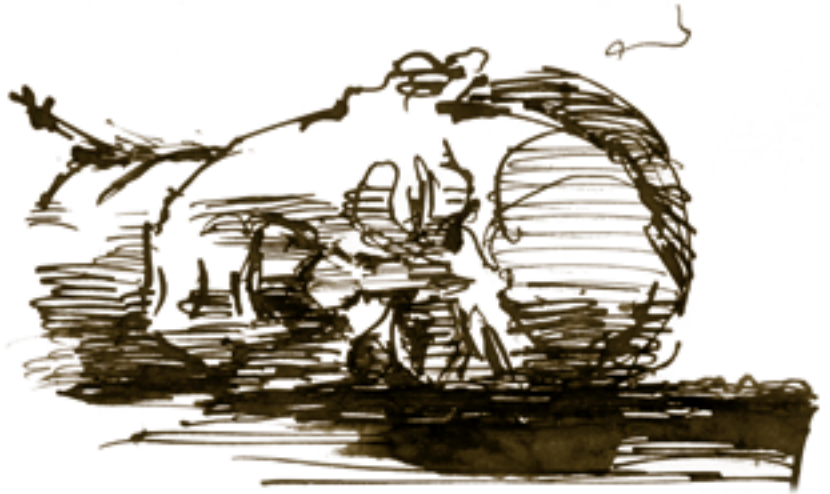
На групповых дискуссиях такие аргументы не звучали, хотя участники ДФГ разделяли мнение о том, что пожизненное заключение страшнее, чем смерть. Исходя из этих соображений, они высказывались не за, а против смертной казни.

“Это слишком легкое наказание – смертная казнь – для человека. Это не человек уже, это просто я не знаю даже, как назвать... Это как Чикатило – совершил кучу преступлений, у него, извините меня, куча трупов за его спи-

ной и куча жертв, и это слишком для него легко, быстро. Пусть он помучается подольше. Я – за, я не могу сказать, что вот как в Средней Азии – это средневековье. Это, в общем-то, так и должно быть. И если бы так и было, то у нас было бы больше порядка” (ДФГ, Самара).

Такая же апелляция к идее справедливого возмездия звучала и в ответах на открытый вопрос:

“Лучше пожизненное заключение пусть получают, а смертная казнь – слишком легкая смерть”; “его нужно не мгновенно убивать, а в мучительных каторжных работах уничтожать”; “преступники должны долго сидеть в тюрьме и мучиться”; “пускай намучаются в тюрьме” (4%). Показательно, что статистически это самый представительный довод против смертной казни.

Аргументы против смертной казни

1. Первый довод, согласно которому смертная казнь представляется “слишком легким” наказанием для преступника, был описан выше. Очевидно, что логически он восходит к ретрибутивистской концепции.

2. Своеобразным религиозным вариантом предыдущего довода выступает аргумент “мы убиваем их – и они идут в рай” (ответ на открытый вопрос).

3. В спектре аргументов против смертной казни присутствует и такой, который можно сопоставить с инструментальной парадигмой. Прагматизм данного подхода граничит с цинизмом: согласно ему, человека, изолированного от общества, можно использовать на пользу общества.

1-й участник: *Пожизненное заключение в принципе может быть альтернативой, но при особых там условиях... То есть, ну, например... если этот человек может работать или еще что-то делать, где-то он сможет пригодиться, тогда – да.*

2-й участник: *Ну а если человек нетрудоспособен, надо его убить, да, сразу?*

3-й участник: *На органы разобрать его – и все.*

1-й участник: *Если он преступник – да” (ДФГ, Новосибирск).*

“...на какой-то очень тяжелый труд, там, на Урал, в рудники, то я думаю, это будет целесообразней все равно, и для государства. И так же, если можно взять вариант, что будет какая-то помощь близким, которые остались, то я считаю, что это будет целесообразней. Правильно Александр сказал, что если первое горячее желание убить этого человека – и все, и что толку?.. Все, убили, и никакой от этого < пользы >” (ДФГ, Самара).

4. Аргумент, исходящий из прагматики, внешней по отношению к проблеме смертной казни как некоего баланса “преступления и наказания”, состоит в том, что смертная казнь не применяется в цивилизованных странах.

“...Россия вступила в Евросоюз, то есть мы считаем себя цивилизованным государством. А для цивилизованного общества убивать себе подобных – ну, это...” (ДФГ, Новосибирск).

Обратимся к аргументам, которые в той или иной степени свидетельствуют об определенном потенциале милосердия, свойственного нашим согражданам.

“...на какой-то очень тяжелый труд, на Урал, в рудники, я думаю, это будет целесообразней все равно, и для государства. И так же если ...будет какая-то помощь близким, которые остались, то я считаю, что это будет целесообразней. ...Если первое горячее желание убить этого человека – и все, и что толку? Все, убили, и никакой от этого < пользы >”
(Высказывание участника фокус-группы из Самары)

*“Надо жалеть”;
“пусть живет, жалко
человека”; “слишком
суровое наказание”
(ответы участников
массового опроса,
такие мотивации
приводят в сумме 1%
респондентов)*

5. Нравственно-мировоззренческое обоснование, исходящее из максимы неприкосновенности человеческой жизни (этот тип обоснования прозвучал в 3% ответов на открытый вопрос и на фокус-группах).

“Господь дал жизнь – пусть Господь и заберет ее” (ответ на открытый вопрос).

“Все-таки, с другой стороны, нельзя желать другому человеку смерти, каким бы он ни был” (ДФГ, Москва).

6. Близкий к описанному выше тип аргументации связан с отказом от осуждения, формулируемым как некая нравственная позиция (мы бы назвали ее “комплекс князя Мышкина”).

“Все люди в какой-то мере преступники – одни в большей, другие в меньшей” (ответ на открытый вопрос).

“...еще не надо забывать про то, что пишется и в Библии, с этой точки зрения тоже нужно смотреть. И как бы тоже, мы все люди, мы все одинаковы, равны. И мы не вправе такие вот приговоры выносить” (ДФГ, Самара).

7. Нерелексируемое сострадание. Аргументация такого рода, исходящая из простой жалости к людям, прозвучала только в ответах на открытый вопрос и только в 1% случаев.

“Бесчеловечно”; “всех жалко”; “надо жалеть”; “пусть живет, жалко человека”; “слишком суровое наказание”.

8. “Кредит доверия”, оставляющий человеку шанс на раскаяние и исправление.

“Человеку надо дать шанс одуматься, быть более милосердными” (ответ на открытый вопрос; всего – 1%).

“Я – против, потому что, ну, это как моральные соображения... потому что есть возможность на преобразование. Вот потому что были разбойники... Ну даже Оптина пустынь вот эта, вот монастырь – его основали 12 разбойников, которые грабили, занимались разбоем, потом вдруг что-то вот, вы понимаете, человеческое у них пошло. Вот я не помню... Боже, какие же они негодяи. И эти люди, посмотрите, после себя какое они сделали поколение вот этих вот праведников. Вот эти разбойники. А сколько после себя они оставили, семья какое правильное, и им забылись вот эти все их прегрешения, то, что вот эта чаша весов праведных все перетянула” (ДФГ, Москва).

9. Нравственно-идеологическое обоснование, не позволяющее включать убийство в нормы права цивилизованного общества. В мотивировках, которые мы относим к этому типу, звучит осуждение убийства как такового, убеждение в недопустимости для цивилизованного государства осквернять себя применением подобной меры, защита чистоты общественных нравов.

“...просто не сеять вот это убийство... Еще одно убийство” (ДФГ, Москва).

“Государству нельзя уподобляться преступнику”; “убивая преступника, мы ничем не отличаемся от них и берем на себя грех убийства” (ответы на открытый вопрос; 1%).

10. “Рациональное сдерживание”, связанное с допущением, что существует вероятность судебной ошибки. Соображения такого плана звучали и в массовом опросе (2%), и на фокус-группах. При этом и опрашиваемые, и участники ДФГ обращали внимание на несовершенство российской правовой системы, в условиях которой вероятность судебной ошибка не так уж мала.

“Модератор: А Вы почему считаете, что допустима смертная казнь?”

1-й участник: А я считаю, что... Вообще я считаю, честно говоря, что она недопустима... Потому что наша правовая система – она не защищает наших людей. И любой из нас может оказаться в такой ситуации...

2-й участник: Так же расстреляют” (ДФГ, Москва).

Впрочем, некоторые участники ДФГ допускают смертную казнь даже при условии некоторой вероятности вынесения приговора по ошибке.

Модератор: *Скажите, пожалуйста, вот так, как на чаше, взвесим. Смертная казнь как высшая мера наказания. Вот подозреваемый в страшном, там... в растлении малолетних, изнасиловании малолетних, детоубийстве. Скажите, пожалуйста, если есть 99% вероятности, что он это совершил, следует ли этого человека казнить? Или существует один процент вероятности, что он этого не совершал, и не следует ли тогда ждать?.. И неизвестно сколько лет?*

1-й участник: *Да хоть полпроцента если существует, надо ждать, одна сотая процента...*

2-й участник: *Хоть сколько.*

3-й участник: *Я считаю, что если 99 процентов есть, это уже обязательно.*

1-й участник: *Одного из ста можно...*

Модератор: *То тогда казнить надо?*

1-й участник: *Казнить, конечно. Ну что – один процент...* (ДФГ, Москва)

11. “Тотальный социологизм”. Оправдание преступных деяний человека социальными условиями прозвучало в единичных ответах на открытый вопрос, заданный в ходе опроса.

“Надо искать причины, толкнувшие на эти преступления человека”; “это виновато государство, оно не создает условия для хорошей жизни”.

Заметим, что, несмотря на столь длинный список доводов *против* смертной казни, число сторонников любого из них в российском обществе ничтожно мало.

Результаты массового опроса и групповых дискуссий дают основания для некоторых философско-этических обобщений. По-видимому, это именно тот теоретический случай, когда уместно использовать концепт “менталитет”, ориентирующий на некие базовые установки, укорененные в культуре и дающие в своей совокупности целостную, логически консистентную духовно-ценностную систему общества.

Исходя из материалов наших исследований, а также общих представлений о духовной организации российского общества, мы считаем возможным выделить некоторые специфические черты общественного сознания, имеющие непосредственное отношение к исследуемой нами проблематике.

Прежде всего обратим внимание на повышенную восприимчивость россиян к идее справедливости как в ее социальном, так и в нравственном измерении. По-видимому, это одна из наиболее фундаментальных, несущих конструкций общественного сознания; она определяет целый ряд его более частных характеристик, включая и ту воспитательную модальность, которая составляет своеобразную и легко различимую черту повседневной коммуникации граждан.

Стремление наших соотечественников поучать и воспитывать друг друга поразительно: воспитательные интенции проявляются в самых разнообразных контекстах социального взаимодействия, включая магазин, общественный транспорт, библиотеку, лавочку у подъезда. Как своеобразная национально-психологическая черта воспитательный пафос утвердился, по-видимому, в советский период истории, когда одной из приоритетных целей было формирование “нового человека”. Характерно, что апелляция к воспитательным мерам воздействия всплывала и в контексте обсуждения проблем смертной казни.

1-й участник: *Даже маленькие знают, что ремня получают, если...*

2-й участник: *Да, и то есть это нормальное как бы воспитание, система воспитания”* (ДФГ, Москва).

Процесс взаимовоспитания осуществляется, как правило, в довольно бестактной форме, что отвечает тому стилю бытового общения, который сложился

По выражению
участницы
фокус-группы,
“мы на ней
[смертной казни]
воспитаны”

в российском обществе. В качестве одной из наиболее значительных нормативных характеристик повседневной коммуникации, распространяющей свое влияние за пределы последней, мы бы назвали отсутствие уважения к другому человеку, неразличение тех пределов, до которых допустимо вторгаться на “территорию” его личного суверенитета.

Акцентуированное восприятие идеи справедливости порождает определенный ригоризм массового сознания (или порождается им? Так или иначе, эти характеристики представляются нам логически связанными).

В качестве своеобразной иллюстрации этой черты приведем данные исследования ФОМа, проведенного в связи с опубликованными в западной прессе зимой 2006 года карикатурами на пророка Мухаммеда*. На вопрос, можно ли богов, пророков, святых изображать в смешном, карикатурном виде, ответили положительно всего 6% респондентов, подавляющее же большинство населения (85%) считают это недопустимым. Религиозная вера, бесспорно, относится к важнейшим ценностям человека, однако достаточно вспомнить шуточные рисунки Жана Эффеля “Сотворение мира” (по мотивам которых был создан знаменитый одноименный балет Андрея Петрова), чтобы предположить в современном обществе возможность иного, не “табуированного” отношения к подобным вопросам.

Наконец, еще одной чертой национального сознания, задающей культурно-специфический ракурс восприятия проблемы смертной казни, выступает терпимость к насилию, готовность восстанавливать порядок и справедливость с помощью жестких репрессивных мер. Исторические корни этой черты очевидны (как сказала одна из участниц ДФГ, “мы на ней [смертной казни] воспитаны”); но непонятно, трансформируется ли она в современных условиях, и если да, то каков характер этой трансформации.

Высокий порог “болевого чувствительности” российского общества в сочетании с отмеченными выше ментально-психологическими характеристиками, по-видимому, и определил тот жесткий тон, в котором на фокус-группах велось обсуждение проблемы смертной казни и, в частности, способов ее осуществления.

Проблема публичной смертной казни

Вопрос этот обсуждался только на фокус-группах, участники которых склонялись к целесообразности публичной демонстрации процедуры смертной казни.

1-й участник: *Мне кажется, что к этому идем, нас подводят. Если смертная казнь есть, должна быть публичная.*

2-й участник: *Демократия...*

1-й участник: *А зачем тогда смерть, кто там узнает?..* (ДФГ, Москва).

1-й участник: *Ну, я, например, считаю, что допустима не только смертная казнь, а именно показательная смертная казнь... Да, я бы хотела, чтобы смертная казнь была публичной, по телевизору транслировалась.*

Модератор: *Вы бы смотрели?*

1-й участник: *Я бы, может быть, и не смотрела, а эти преступники...*

Модератор: *Так для кого тогда показывать?*

1-й участник: *А вот для тех, кто уже собирается.*

2-й участник: *И чтобы туля, как в замедленном действии, летела*” (ДФГ, Новосибирск).

Окончание см. на стр. 82 →

* Общероссийский опрос населения от 11–12 февраля 2006 года.

→ Окончание статьи.

“Модератор: *Как вы полагаете, может ли приведение в исполнение приговора смертной казни быть публичным?*”

1-й участник: *А почему нет? Это вообще прекрасно будет.*

2-й участник: *Отлично будет”* (ДФГ, Самара).

Виды смертной казни

Как указывается в одном из современных исследований, виды смертной казни – один из важных аспектов проблемы, связанный с “целями наказания: хочет ли общество просто лишить человека жизни, обезопасить себя и своих граждан от новых преступлений с его стороны, либо оно хочет воздать ему за содеянное, отомстить за причиненное зло, вызвать дополнительные страдания, то есть покарать в прямом смысле этого слова?” [Михлин А.С.].

Данную проблему участники ДФГ обсуждали охотно и подробно. Доминировала точка зрения, согласно которой смертная казнь должна быть не безболезненным уходом из жизни, но мучительным наказанием, что отвечает ретрибутивистской концепции возмездия, преобладающей в массовых представлениях о предназначении этого института (но, заметим, противоречит нормам современного российского уголовного права^{*}). Рассуждая на эту тему, многие участники предлагали альтернативные способы наказания, способные доставить преступнику большие страдания, чем просто лишение жизни.

“1-й участник: *Расстрел, как у нас раньше и было в России.*”

2-й участник: *Конечно.*

3-й участник: *Электрический стул.*

2-й участник: *Зачем? И так человека убивают.*

4-й участник: *Принести мучения.*

3-й участник: *Чтобы остальные видели и знали, что не просто им выстрелят в голову и убьют мгновенно, а будут их вот так потрясывать минут 10–15. <...>*

Модератор: *А вообще следует применять наименее болезненные способы казни? Или максимально?..*

3-й участник: *Максимально.*

5-й участник: *Да, четвертовать.*

3-й участник: *Руку отрубали. Украл – руку отрубили. Это у нас при Петре I было. Украл – руку отрубали, и правильно было”* (ДФГ, Новосибирск).

“*Нет, но можно, конечно, доставить максимально болевые ощущения, допустим, грубо говоря, собак натравить, чтоб они его терзали. Но это опять три минуты до потери сознания, он теряет сознание, все. Или, допустим, поджечь его, облить бензином, поджечь. Три минуты – и он теряет сознание... Если бы вот он час хотя бы промучился, а он же быстро теряет сознание, три минуты”* (ДФГ, Самара).

“*Я против, чтоб так, как говорят, в затылок там, понимаете?.. По жилкам, медленно, медленно раздирать”* (ДФГ, Самара).

“*...это не наказание, понимаете?.. Его раз, и там тын-тын – и все, его не стало. Это не наказание. Наказание – это когда его наказывают. Когда его на-*

^{*} Согласно статье 7 УК РФ, “наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства”.

казывают, когда он ощущает боль, да? А электрический стул – что там?” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: ...*Что еще можете предложить? Я бы конкретно предложил бы такие жестокие мучения ему, которые, я думаю, больше половины россиян подпишут. Ему, там, каждый день пытки какие-то, и пускай он сидит под этими пытками, там его колотят или грызет его там кто-нибудь.*

2-й участник: *А альтернатива – тебе жить, или тебя убьем, или каждый день будем пытать, правильно?*

1-й участник: *И пускай по ящику в неделю там показывают вот это с 2 ночи до 3 утра.*

3-й участник: *Это вместо рекламы, да?”* (ДФГ, Самара).

“1-й участник: ...*в кандалы, семь замков повесить на него, лишить его общения, телевизора, книг, то есть самая суровая пища, то есть самые жесткие меры.*

2-й участник: *Мне кажется, что телевизор если есть, и что он смотрит – то ему намного тяжелее.*

1-й участник: *А давайте еще показывать ему Канарские острова. Как люди путешествуют. Вот он хотел к этому стремиться, вот банк он ограбил, убил там десять человек, чтобы потом путешествовать, – и вот он так”* (ДФГ, Самара).

Разумеется, звучали и иные точки зрения, но они выступали скорее как “особое мнение” на фоне разворачивающихся фантазий о возможных способах уничтожения преступника.

“1-й участник: *Но мы же, мы казним кого? Мы вот казним не человека, мы-то люди же. Мы поэтому должны быть более... Но все равно казнить. Мы же вырвали его из человеческого образа.*

2-й участник: *...степень тяжести применяемая – она... проблема возникает.*

1-й участник: *Мы-то остались людьми... Если мы будем травить человека собаками, мы сами становимся преступниками”* (ДФГ, Самара).

* * *

Российское массовое сознание практически бескомпромиссно склоняется к поддержке применения такой меры наказания преступников, как смертная казнь. Напомним, что, согласно данным проведенного в феврале этого года опроса, 74% россиян считают в принципе допустимым вынесение такого приговора, а из 15% респондентов, выступивших против него, 4% не столько возражают против смертной казни, сколько желают более жестоко наказать преступников. Эти данные в общем соответствуют “экспертному суждению”, прозвучавшему на ДФГ относительно числа российских граждан, выступающих против смертной казни:

“*Я даю максимум 7–8 процентов – кто будет против”* (ДФГ, Самара).

“Модератор: *Есть среди нас такой пацифист, который скажет, что никогда ни при каких условиях нельзя применять к человеку смертную казнь?*

1-й участник: *Нет, мне кажется.*

2-й участник: *Мы на ней воспитаны.*

Модератор: *То есть каждый из вас допускает?*

3-й участник: *Да.*

4-й участник: *Да”* (ДФГ, Новосибирск). ■

Литература

Докторов Б. Американцы о смертной казни для убийц: динамика за 75 лет (www.fom.ru).

Михлин А. Понятие смертной казни // Государство и право. 1995. № 10.

Позднов М. Инструментальная и ретрибутивистская парадигмы смертной казни (рукопись онлайн) (<http://www/deathpenalty.narod.ru>).